
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 340.114.5+340.115

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК КАТЕГОРИИ ФИЛОСОФИИ И ЮРИДИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

И. Л. ВЕРШОК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Пересматривается содержание термина «правосознание» в целях преодоления семантической девальвации, произошедшей в результате его частого применения и размытости смысловых границ. Устанавливаются четкие рамки и контекст использования данного термина. Объектом исследования является правосознание как феномен и философская категория. В результате проведенного анализа с применением нового для юриспруденции номиналистского подхода, а также лингвистических и психологических методов обосновывается смысловое ограничение понятия правосознания. Оно признается философской, мировоззренческой метанаучной категорией, без которой невозможен поиск идеальных форм государственного и правового строительства, где правосознание – явление статичное. Наряду с этим подтверждается целесообразность научного осмысления понятия и категории правового сознания в качестве феномена, проявляющегося на коллективном и индивидуальном уровнях в правовом поведении, что предполагает необходимость изучения правосознания как на предельно высоком, так и на низком уровне обобщения. Закладывается новое направление дальнейших фундаментальных и прикладных исследований правосознания в динамике и с контекстуальной предопределенностью интерпретации, что имеет практическое значение. Выработанные на фундаментальном уровне предложения будут способствовать выявлению тенденций трансформации правосознания и ее последствий для правовой системы, на прикладном – разработке механизмов обеспечения когерентности и интенциональности правового сознания субъектов права.

Ключевые слова: динамика правового сознания; интенциональность правового сознания; внутренний и внешний императив правового сознания; напряженность правового сознания.

Образец цитирования:

Вершок ИЛ. Методологические проблемы определения правосознания как категории философии и юридического феномена. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2020;3:4–13.

For citation:

Vershok IL. Methodological problems of determining the concept of legal consciousness as a category of philosophy and a legal phenomenon. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2020;3:4–13. Russian.

Автор:

Ирина Леонидовна Вершок – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета.

Author:

Irina L. Vershok, PhD (law), docent; associate professor at the department of theory and history of state and law, faculty of law.
viarshok_irina@mail.ru

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF DETERMINING THE CONCEPT OF LEGAL CONSCIOUSNESS AS A CATEGORY OF PHILOSOPHY AND A LEGAL PHENOMENON

I. L. VERSHOK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the revision of the term «legal consciousness» with the aim of overcoming the emerging semantic devaluation that occurred as a result of its frequent application and blurring of semantic boundaries by establishing its clear boundaries and the context of use. The object of research is legal consciousness as a philosophical category and a legal phenomenon. The purpose is to overcome the semantic devaluation of the term «legal consciousness». As a result of the research using a new for jurisprudence nominalist approach, as well as linguistic and psychological methods, the semantic limitation of the concept and category of legal consciousness is substantiated. Legal consciousness is recognized as a philosophical, worldview meta-scientific category used in the search for ideal forms of state and legal construction, in which legal consciousness manifests is a static phenomenon. Along with this, the scientific study of the concept and category of legal consciousness as a legal phenomenon, manifested in legal behaviour at the collective as well as at the individual level, is substantiated. This implies the need to study legal consciousness both at an extremely high and at a low level of generalization. The significance of the results of the research: a new direction is being laid for further studies of legal consciousness in its dynamics and with a contextual predetermination of interpretation: separately at the level of fundamental research, as well as at the level of applied sciences. The proposals developed at the fundamental level will help to identify trends in the transformation of legal consciousness and its consequences for the legal system, and at the applied level, to develop mechanisms to ensure coherence and intentionality of law subjects' legal consciousness.

Keywords: dynamics of legal consciousness; internal and external imperative of legal consciousness; intentionality of legal consciousness; tension of legal consciousness.

Введение

В настоящее время термин «правосознание» чрезвычайно широко используется как в научных исследованиях, так и в учебной юридической литературе. В сложившейся ситуации появляется объективная потребность в научном выявлении причин и последствий повсеместного распространения данного понятия, первоначально обладавшего статусом философской категории, но постепенно перешедшего в терминологию общей теории права, которая формирует в рамках своего предмета универсальный категориальный аппарат и методологическую базу для юриспруденции в целом. Термин «правосознание», хотя и реже, но используется также в отраслевых юридических науках, социологии права, юридической психологии, конфликтологии, встречается в источниках публицистического жанра, в выступлениях по проблемам борьбы с преступностью и даже был обнаружен в музыкальном произведении песенного жанра.

Фактически произошел механический перенос категории «правосознание» из философии во многие сферы юридической теории и практики без оговорки о контекстуальных особенностях ее идентификации с реальными явлениями и процессами. В результате слово «правосознание» либо получает гипертрофированное значение в качестве универсальной причины несовершенства правотворческой и правоприменительной практики, либо, наоборот, подвергается семантической девальвации вследствие частого употребления. Указанные

коннотации в дальнейшем одинаково приводят к выявлению низкого уровня правосознания населения в целом либо ее отдельной группы в частности и подготовке рекомендаций по его повышению путем «воспитания», осуществляемого в форме «совершенствования правовых знаний, изучения законов и обучения по их использованию» [1, с. 12]. Данный способ интерпретации правосознания редуцируется к совокупности сведений из области положительного права и умению пользоваться ими повсеместно, что «укрывает в себе глубочайшие недуги и дефекты» [1, с. 23].

Одна из причин описанной проблемы заключается в том, что семантическое значение правосознания не подвергается дополнительному толкованию или пересмотру в контексте конкретной отрасли юридической науки либо доминирующей в определенной пространственно-временной матрице парадигмы. Когда осуществляются исследования проблем правосознания, относящиеся к сфере фундаментальных правовых проблем, т. е. там, где велик авторитет объяснения, возникают противоречия. Наука начинает «измышлять реальность как продолжение своих представлений, она перестает видеть фактическое», и таким образом рождаются понятия, обычно отрицательные (деформация правового сознания, правовой нигилизм, низкий уровень правосознания), которые «защищают теорию от неловких ситуаций» [2, с. 18]. Вместе с тем остаются открытыми вопросы о реальных

процессах правового сознания как психического феномена и, соответственно, об объективных причинах неэффективности мер по «формированию» правосознания или повышению его уровня.

В связи с этим представляется методологически важным выдерживать постоянство значений в разных коммуникативных ситуациях и безусловное единство на протяжении всего текста [3, с. 108], что нередко является трудновыполнимым. Например, только в одной работе И. А. Ильина, посвященной глубокому философско-правовому анализу феномена правосознания, можно обнаружить его совершенно различную семантику, без каких-либо дополнительных оговорок сигнифицируемую одним термином «правосознание».

В первой части исследования философ рассмотрел «народное правосознание» наравне с правосознанием правоприменяющего субъекта [1, с. 27]. В другой части правосознание названо неотъемлемым условием вменяемости субъекта права, а сознание – признаком субъектности, так как «право говорит на языке сознания и обращается к сознательным существам» [1, с. 24–25]. Затем правосознание без дополнительной интерпретации определяется как необходимая форма жизни человека, осознающего, что, кроме него, на свете есть другие люди – естественное правосознание [1, с. 19–21].

Приведенные выше смысловые различия при характеристике одного и того же термина предполагают преимущественно частноправовое содержание, однако у И. А. Ильина они дополняются еще и иными определениями, выводящими анализ феномена правосознания в публично-правовую сферу. Например, «русское правосознание» [1, с. 34], «народное правосознание» рассматриваются ученым как автономное правосознание и способность к самоуправлению [1, с. 61], а на макроуровне правосознание выступает как фактор благополучного существования национальной государственности, государственное правосознание [1, с. 29, 106].

Выявленное семантическое непостоянство терминологии в фундаментальном труде И. А. Ильина «О сущности правосознания» не является исключением. Оно получает гипертрофированное выражение в современных научных работах, прямо или косвенно затрагивающих проблемы правосознания, что вызывает межперсональное искажение терминологии, в конечном счете происходит семантическая девальвация термина. В результате многие неудачи в правотворческой и правоприменительной сферах объясняются низким уровнем правосознания населения либо массовым правовым нигилизмом, тем самым маскируются или нивелируются недостатки выполнения правил юридической техники и (или) сбой в работе механизма государства. Однако, хотя в «сфере лингвистики никто не претендует на знание того, каким должен быть совершенный язык», необходимо бороться

с ошибками в словоупотреблении, которые ведут к размыванию важных различий [4, с. 22]. Цель настоящей работы заключается в установлении границ термина «правосознание», для чего необходимо доказать факт его семантической девальвации и определить пути ее преодоления, сравнить этимологию слов «правосознание» и «правовое сознание», объяснить их смысловое и контекстуальное отличия, заложить основы изучения правового сознания в динамике.

Пересмотр границ термина «правосознание» сможет значительно дополнить понятийно-категориальный аппарат теории права, направленной на решение онтологических вопросов о праве путем постановки вопроса «не о происхождении и существовании права, а о том, как нечто преобразуется в юридическую форму, как безмерные притязания личности приобретают значение субъективного права, как мысль о должном преобразуется в действие самого права – правовое суждение, правовой поступок и правовое решение» [2, с. 74]. По мнению С. Н. Касаткина, современная российская «теория (= идеология и мифология) правосознания и правового нигилизма» не справляется с данной задачей, так как сегодня для юриспруденции, осуществляющей наблюдение за юридическими объектами по аналогии с наблюдением в классической физике за очевидными явлениями, «миссия исследователя и социального деятеля» сводится только к их «открытию, (достоверному) описанию, (положительной) оценке и принятию, воплощению в жизнь» [5, с. 44]. Приведенная точка зрения применима и к белорусской теории правосознания и правового нигилизма.

Приобретение термином «правосознание» псевдоуниверсального и безграничного объема оказалось противоречивым с методологических позиций. В переводе с греческого языка слово «термин» означает границу, предел. Оно предполагает соблюдение таких требований, как обязательная фиксация одного из наиболее возможных значений слова в качестве терминологического во избежание двусмысленности, делающей речь непонятной, сохранение заранее установленного значения терминов (или исторически сложившегося определенного содержания) во всей практике словоупотребления в научном обиходе на национальном языке [3, с. 104].

В связи с этим необходимо прежде всего отграничить философскую характеристику правосознания в качестве категории из области метафизических суждений, близких к идее правового государства, естественного права, гражданского общества, от понятий и категорий «правосознание» и «правовое сознание», изучаемых на научно-содержательном уровне. Характерно, что Л. И. Петражицкий заложил основу нового перспективного направления по решению проблем интериоризации

внешнего должностования, имеющего не столько философскую, сколько эмпирическую базу, при котором обобщения делаются в результате сбора и систематизации эмпирических данных о переживаниях человека относительно права.

Традиционно предлагаемое в настоящее время в общей теории права определение правосознания, которое зиждется на методологии материалистического понимания сознания и трактует его как форму отражения окружающей действительности, уже не справляется с решением онтологических и связанных с ними задач. Современное научное обособление юридической догматики в черед различных дискурсов о праве требует инвентаризации понятий отечественной теории права (юриспруденции в целом) и их последовательной юридизации, «переописания с позиций юридической значимости, соотносительности с языковой игрой официального права» [5, с. 48].

Являясь изначально сформулированной в контексте философских концепций, категория «право сознание» до сих пор подразумевает интерпретацию на уровне метанауки, что наблюдается не только в классических, но и во многих современных русскоязычных работах, посвященных проблеме правосознания [6, с. 32–36; 7, с. 12–23; 8, с. 18–32; 9, с. 201–209]. Хотя нельзя отрицать ценность философии и ее заслуг в развитии научного знания, смешивать ее с научно-содержательной сферой нецелесообразно. Если «за основание берем философские постулаты и они являются источником методологии» [10, с. 119–122], то, будучи предопределенными спецификой изучаемого объекта, эти постулаты не попадают в систему методологии юридической науки, сводясь к инструментам поиска ответов на вечные вопросы правды и справедливости, но не к объекту юриспруденции. Термин «правосознание» в значении юридического мировоззрения, т. е. системы взглядов, которая построена на безусловном признании важности правовых ценностей и идеалов [9, с. 206], предполагает философско-абстрактную, статическую характеристику. Его методологически непродуктивно включать в понятийно-категориальный аппарат юридической науки в целом и общей теории права в частности.

Когда же в основание исследования будет заложено эмпирическое обобщение фактов, а философские постулаты станут только продуктом осмысления [10, с. 119–122], научные изыскания, прямо или косвенно связанные с феноменом правосознания, помогут постигнуть его содержательную трансформацию в пространственно-временном измерении. Причем в общей теории права данное явление целесообразно рассматривать на категориальном уровне как понятие предельно общее, охватывающее признаки изучаемого феномена, свойственные всем его

типологическим проявлениям. В иных случаях достаточно анализа правосознания в качестве простого понятия и соответствующего проявления его отличительных признаков.

Заложенная философией Аристотеля традиция эссенциалистской интерпретации – чтения определения понятий слева направо – широко использовалась в классической юридической науке, при этом дефиниция создавала «комфортную иллюзию завершенности, конечности» [11, с. 75]. Вызовы современной теории и практики обуславливают распространение противоположной, номиналистской, интерпретации справа налево, при которой прибегают к сокращенным обозначениям для максимального исключения из текста абстрактных формулировок. Если в соответствии с эссенциалистским способом в отношении правосознания происходит поиск ответа на вопрос: «Что это?» – с использованием формулировок «форма отражения» или «совокупность идей, эмоций и чувств», «отношение к праву», то в данном исследовании осуществляется попытка пересмотра правосознания при помощи номиналистского определения, согласно которому постановка вопроса иная: «Какие процессы и при каких условиях можно признать правовым сознанием?».

Применительно к юриспруденции указанный методологический концепт был введен в исследовательскую деятельность Г. Л. А. Хартом, который считал, что прогресс в науке замедляется не из-за ошибочных ответов, а из-за неправильно сформулированных вопросов. Форма вопроса: «Что есть X?» – относится к одному слову, его цель – узнать, что данное слово обозначает или подразумевает. В отличие от философских юридические понятия совершенно другие: «Их отношение к фактам более сложно, опосредованно и нуждается в прояснении». Бесперспективное толкование слов, взятых изолированно, предлагается заменить «характеристикой функции, которую осуществляют эти слова, когда они используются в правовой системе» [12, с. 146–148]. Необходимо уточнение «того, каковы стандартные условия, при которых такое высказывание является истинным, в какого рода контекстах произносятся такие высказывания» [12, с. 148–149].

В случае рассмотрения правосознания как динамического явления на понятийном уровне необходимо развернуть начальные точки исследования, применяя методологию естественных наук, где для синтеза обязателен средний уровень анализа, когда эмпирическое обобщение – это основание для сведения материала в систему и построения концепции. Оно строится не на первичном элементарном материале, а на материале, сведенном в систему [10, с. 119–122]. Такие исследования правосознания возможны с использованием ряда социологических и психологических методов, ос-

нованных на комбинированном – гуманитарном и естественно-научном – подходе и адаптированных к специфике изучения феноменов социально-правовой действительности. При этом в качестве предмета изучения будет правильнее использовать словосочетание «правовое сознание» наряду с универбализированным термином «правосознание», проводя между ними разграничение, закладывающее методологические особенности исследований. Сравнительный анализ, предполагающий дифференциацию категории «правосознание» и понятия «правовое сознание», особенно с учетом их динамического аспекта, даст возможность, не снижая высокую методологическую ценность и эвристический потенциал достижений исследовательских работ по философии права, перейти на иной перспективный уровень изучения правового сознания как процесса восприятия, отражения и осмысления информации о социально-правовой действительности, имеющего психическую природу и существенно предопределяющего динамику и качество правовой системы.

В то же время англоязычные исследования, имеющие схожую предметную направленность, наобо-

рот, обладают преимущественно прикладным, эмпирическим характером. Попытки найти аналог сложного слова «правосознание» в иностранном языке, например, в английском, не приводят к успеху. При этом у наиболее семантически близкого к нему термина *legal consciousness* [13–15] не появилось сокращенной формы (наподобие слова «правосознание» в русской терминологии), что еще раз подчеркивает определенную самобытность такого универбализированного термина и соответствующих работ по рассмотрению соответствующего феномена. Кроме того, доминирование эмпирических исследований правового сознания, получающего экстериоризацию в контексте англосаксонской правовой семьи, подтверждает контекстуальную обусловленность интерпретации феномена осознания социально-правовой действительности в разных правовых семьях. В рамках одной правовой системы также заметна динамика феномена правосознания под влиянием смены типов правопонимания, обусловленная трансформацией парадигмы политико-правового и общественно-правового мышления, что не должно ускользать из поля зрения исследователя.

Теоретические основы исследования

В связи с тем, что категория «правосознание» имплементировалась в общую теорию права из русскоязычных философских работ, произошел перенос термина, интерпретируемого метанаучно и мировоззренчески, в понятийно-категориальный аппарат советской юриспруденции, формирующейся на основе использования метода материалистической диалектики. Постепенно юридическая теория и практика стали оперировать категорией «правосознание» как политико-правовым средством. На доктринальном уровне, исходя из базовых принципов исторического материализма, правосознание трактовалось как форма общественного сознания, надстроечного явления над экономическим базисом, что предопределяло классовые отличия правосознания как коллективного явления. С учетом родо-видовой связи общественного сознания с правосознанием им давалась схожая интерпретация в качестве формы отражения общественного бытия, которое является совокупностью коллективных представлений.

Если выходить на практическую плоскость, правосознанию как коллективному феномену придавалось гипертрофированное регулятивное значение. Даже в работах постсоветского периода все так же признавалась «регулятивная энергия, выраженная в активных формах господствующего правосознания», которая обнаруживается в исторических ситуациях, когда правосознание выступает обособленно, становится основой механизма правового регулирования еще до создания правовой систе-

мы и «исполняет обязанности» собственно права [9, с. 205–206]. При данном подходе анализ регулятивной функции феномена правосознания, в действительности обладающего индивидуальными чертами, может повлечь негативные последствия, связанные с отождествлением позитивного права с правосознанием одного или нескольких субъектов, произвольно принимающих правовые решения. «Правосознание должно нуждаться в праве, чтобы приобрести предметную основу и объективную верность» [1, с. 40].

В настоящее время доказана острая необходимость «деактуализации марксистских гносеологических установок» в юридической науке и формирования альтернативных философско-методологических подходов, позволяющих переосмыслить сложившийся под влиянием марксизма «понятийный аппарат, многие теоретические конструкции и исследовательские стереотипы» [16, с. 16–17]. Кроме того, уже явно недостаточно исследований общих вопросов правосознания, требуется комплексный пересмотр фундаментальных и отдельно – отраслевых проблем трансформации и выражения правового сознания.

Идеи Л. И. Петражицкого об «императивно-атрибутивном сознании», «правовой психике» [17, с. 109] и реже – правосознании [17, с. 103] заложили основу для дальнейших исследований именно правового сознания как специфического, но при этом видового явления по отношению к родовому феномену – сознанию. Однако последовательного продолжения

научных изысканий по данному предмету комплексно не осуществлено и выводы, построенные на методологической основе теории Л. И. Петражицкого, допускающей широкое использование интроспекции, эксперимента и наблюдения [17, с. 107, 129], по-прежнему стремятся к философии, но не к юриспруденции. В качестве примера можно привести постулаты, сформированные в рамках доктрины гражданского права на основе его теории, согласно которым «право желает не просто подчинять себе человеческое поведение, а подчинять его в инте-

ресах какого-то высшего блага». В результате этого «всякая норма права предстает нашему сознанию не только с точки зрения ее “данности”, но и с точки зрения ее “должности”; мы не только стремимся ее познать как она есть, но в то же время оценить, как она должна быть» [18, с. 60–61]. Такое утверждение снова предполагает метаправовые критерии ценности правосознания, о которых ни правовая, ни психологическая наука ничего сообщить не может, поскольку вопрос о ценностях составляет содержание философского дискурса [2, с. 51].

Результаты и их обсуждение

В связи с тем, что в отношении термина «правосознание» была выявлена потеря «лексического понятия из-за чрезмерно частого употребления», при которой «полнозначное слово, которое длительно находится в обращении и не варьируется, оставаясь в постоянно повторяющемся шаблонном контексте, подвергается действию процесса семантической девальвации», произошло содержательное ослабление семантики слова «правосознание» [3, с. 109]. В целях наиболее глубокого обоснования необходимости содержательного различия терминов «правосознание» и «правовое сознание» проведем определение их границ путем семантического и морфологического анализа. Вместе с тем формулировка пределов терминов «правосознание» и «правовое сознание» должна различаться на уровне категории или понятия.

Предварительное уяснение пределов категории или понятия, обозначающих процессы интериоризации правовой информации, будет способствовать тому, чтобы точный смысл, тождественный для обоих контрагентов коммуникации, мог быть достигнут при соблюдении определенного минимума интерперсональной точности и терминологической очерченности в употреблении самих выражений (терминов) [3, с. 115]. При анализе категории нужно установить то, что называется парадигмой, а при анализе понятия – стандартный случай употребления выражения. В случае двусмысленности поверхностное многообразие применений данного понятия показывает, что следует провести различие между определением общего термина и заданием критериев его применения в разных диапазонах случаев.

Что касается слова «правосознание», то оно является сложным: состоит из двух корней: *прав-* и *созна-*. Кроме того, ударение падает на второй корень, образующий слово «сознание», в то время как первая часть слова *прав-* трактуется в зависимости от контекста: конкретной философской парадигмы, содержания доминирующего правовопонимания, предметной области исследований, в которой затронуты проблемы правосознания.

В частности, первый корень при образовании сложного слова «правосознание» может подразуме-

вать старославянское слово «правъ», а также быть сокращенным вариантом существительных «право», «правило» либо прилагательных «правильный», «правовой», глагола «править», «управлять», «направлять» и ряда других частей речи. В соответствии с этим возможна вариативность значения термина «правосознание» и неясность сфер, отраслей, методов его предметного научного осмысления. На данном основании считаем, что, с одной стороны, эвристически оправданным является использование термина «правосознание» в философском категориальном аппарате, характеризующем феномены на метанаучном предельно абстрактном уровне, связанном с поиском идеальных форм государства и права в контексте конкретной философской парадигмы. Одновременно происходит абстрагирование от признаков динамичности и индивидуальности, присущих рассматриваемому феномену. Обязательный учет контекстуальности указанной категории будет обеспечивать границы ее анализа заранее определенной философской парадигмой.

С другой стороны, правосознание оправданно включать в предметную отрасль фундаментальных сфер юридической науки. В таком случае оно рассматривается на научно-категориальном уровне, который допускает высокую степень обобщения. Предметность правосознания определяется за пределами (макроанализ) или внутри выбранной правовой системы по различным критериям: значительного количества и (или) специфического статуса его носителей (работников органов внутренних дел, судей), национальной идентичности (национальное правосознание, «правосознание новых европейских народов» [17, с. 128]), трансформации на конкретном историческом этапе. Контекстуальность данного термина обусловлена содержанием правовопонимания и типологических особенностей правовой семьи, в которой проявляется данный феномен, обеспечивая ее динамику.

В свою очередь, словосочетание «правовое сознание», характеризующееся на понятийном уровне, имеет ряд существенных признаков, свойственных сознанию, но с особенностями, детерминированными юридической сферой. Его изучение предпо-

лагает низкий уровень обобщения, ограничиваясь проблемами восприятия правовой информации и ее интериоризации на уровне индивида (индивидов) как участника (участников) правоотношения либо субъекта (субъектов) правонарушения, а также частноправовой сферой его выражения. Семантически в нем смысловое ударение делается на слово «правовое», подчеркивая специфичность сознательной деятельности именно в правовой сфере, благодаря чему четко прослеживаются главный и зависимый компоненты. Приведенное словосочетание допускает возможность поменять местами слова, смещая смысловые акценты, например, с «правового сознания» на «сознание права».

В таком случае актуализируются этимология и смысловое значение ключевого в словосочетании «правовое сознание» слова «сознание», значение которого сводится к уяснению физиологических, когнитивных, психических характеристик отдельного человека, подчеркивается индивидуальность правосознания как специфического процесса, протекающего у конкретного субъекта. Однако при этом приставка *со-*, размещаемая перед частью *знание*, подразумевает совместность, общность знания, а также процессы, дающие оценку объединению субъектов на его основе. Методологические проблемы соотношения знания права и его «сознания» рассмотрены в отдельном исследовании сквозь призму изучения юридической презумпции знания закона и проблем, связанных с ее реализацией [19, с. 110–115]. Термин «правовое сознание» контекстуально определен сведениями об эмоциях и психике, а также правовым воздействием на них.

Таким образом, приведенное сопоставление элементов сложного слова, когда каждая его часть не может быть самостоятельно использована, и компонентов аналогичного по форме, но не по содержанию словосочетания, в случае независимого применения каждой части приводит к выводу о том, что лингвистически неверно отождествление терминов «правосознание» и «правовое сознание». Произошедшее свертывание словосочетания, т. е. универбализация, привело не к их полному смысловому совпадению и семантической однородности, а к более высокой степени абстрактности и безграничности созданного философской концепцией термина «правосознание», механический, внеконтекстуальный перенос которого в понятийную часть юридической науки уже утрачивает свой эвристический потенциал.

Осуществляя попытку сформулировать принципы номиналистского определения феномена осознания социально-правовой действительности, отметим, что при философской его характеристике ключевым признаком правосознания была признана форма отражения, что свойственно материалистическому пониманию сознания. Однако при этом термин «отражение» встречается и в опре-

делении сознания исследователями психологического профиля. При указанном внешнем сходстве философской и психологической характеристик сознания следует обращать внимание на то, что психология определяет сознание не просто в качестве механического отражения, а как «высший уровень психического отражения и регуляции» поведения человека [20, с. 72]. Данное отражение не является зеркальным, механическим и пассивным копированием мира – психическое отражение представляет собой усвоение (интериоризацию) и активную обработку поступающей извне информации индивидуально каждым носителем сознания.

В то время как отражательная функция характерна не только человеческому, но и другим живым организмам, только человек способен сформировать свою я-концепцию, которая заключается в совокупности представлений субъекта о самом себе, окружающей среде и своей роли в ней, на основании чего человек обладает способностью самостоятельно, без воздействия внешних раздражителей, регулировать поведение [20, с. 73], что специфически проявляется в правовом сознании.

Если сознание в целом предполагает регуляцию (саморегулирование), то правовое сознание – это процесс сложного сочетания внешних, в том числе юридических, и внутренних (саморегулирование) императивов при их интериоризации. Данное сочетание строго индивидуально в связи с физиологическими, психическими особенностями человека. Вместе с тем динамика правового сознания обладает закономерностями, юридически предопределяемыми методами правового регулирования и проявляющимися в правовом поведении. Например, в брачно-семейных отношениях для одного субъекта выполнение родительских функций осознается как право, при этом о нем обычно говорят, что он «сознательный» родитель; для другого субъекта – как обязанность, которую налагают на него нормы семейного законодательства, влияя на сознание путем правового воздействия, в результате которого появляется переживание «в качестве сознания нашего долженствования – права другого» [17, с. 129]. Однако в результате оба родителя будут в своем правовом поведении выполнять в среднем примерно схожие функции по отношению к своему ребенку.

«Способность правовой, императивно-атрибутивной психики вызывать относительную общность и неуклонность соблюдения и соответствующих правил социального поведения следует признать великим достоинством и преимуществом... перед нравственной психикой» [17, с. 128]. Выражая большое сомнение касательно «великого преимущества» правовых эмоций перед нравственными, согласимся с тем, что правовое сознание действительно обеспечивает «относительную общность», получая выражение в относительно массовом,

типичном правовом поведении, когда большой интерес исследователя правового сознания представляет исключительное, нетипичное поведение носителя правового сознания. В связи с этим именно правовое сознание, характеризующее индивидуальностью при его интериоризации и коллективностью, определяющей схожесть в экстериоризации, должно рассматриваться на высоком и низком уровнях обобщения.

Интериоризация правовым сознанием внешних и внутренних императивов обусловлена методами правового регулирования. Применение диспозитивного метода предполагает преимущественно саморегулирование на основе осознания обязательств. При императивном методе правового регулирования доминирует внешнее регулирование, предусматривающее осознанные взаимные обязанности.

Динамика правового сознания обусловлена признаком его интенциональности. Если сознание направлено на определенный предмет, то правовое сознание – еще и на опосредующую его норму права. Будучи видом сознания как родового явления, правовое сознание сначала интенционно направлено на предметы окружающего мира, однако, если в отношении их не срабатывает механизм саморегулирования, интенция смещается на догматические юридические источники как конечную инстанцию. Субъекты «фактически приписывают себе или другим разные права и обязанности правового типа не потому, что так написано в законе, а потому, что так подсказывает им их “интуитивно-правовая совесть”. Они обычно и не знают о существовании этого закона, но в случае разногласий

и споров, притом особенно серьезных и не поддающихся разрешению без обращения к законам и судам, они переходят с почвы интуитивного на почву позитивного права» [17, с. 87].

Интенциональность правового сознания в дальнейшем обуславливает его изучение, не сводимое к анализу в самом себе. «Сознание не может рассматриваться как замкнутое в самом себе: оно должно проявляться в деятельности (принцип “размывания” круга сознания)», в связи с чем и правовое поведение нельзя рассматривать в отрыве от правового «сознания человека (принцип единства сознания и поведения)» [20, с. 127].

Динамика правового сознания характеризуется также различной степенью его напряженности и обусловлена потребностями его субъекта-носителя. Причем фактически напряженность правосознания опосредованно констатировал еще Л. И. Петражицкий, именуя ее активным правосознанием [17, с. 131]. Напряженность правового сознания – это состояние объективной нуждаемости его носителя в чем-то, находящемся вне его. Представляется, что констатируемую И. А. Ильиным «смутность, сбивчивость, непредметность и слабость» правосознания, создающее «непредметное», т. е. дурное, неверное, несправедливое, не соответствующее своему прообразу «положительное право» [1, с. 21] можно отнести именно к феномену слабой напряженности правового сознания. Кроме того, она будет зависеть от каузальности или некаузальности правового сознания, т. е. его интенциональности на конкретный юридический случай либо на правовые феномены в целом.

Заключение

В целях научного изучения явлений, связанных с осмыслением информации о социально-правовой действительности, необходимо разграничение правосознания на понятийном и категориальном уровнях, а также разделение правосознания в качестве предмета научного изучения (феномена) от аналогичной метанаучной философской категории. Научный уровень изучения феномена осмысления социально-правовой действительности тоже должен подвергаться градуации, формально проявляющейся в разделении терминов «правосознание» и «правовое сознание».

С содержательной точки зрения категорию «правосознание» методологически допустимо вводить в область философского знания, направленного на решение мировоззренческих вопросов бытия и сознания и основанных на этом идеалов общества, государства и права в контексте определенной философской парадигмы. Например, И. А. Ильин естественное правосознание трактует как констатацию правосознания в статике в качестве компонента

фиксированной идеальной картины мира на фоне определенного философского учения.

Категория правосознания, допускающая высокую степень обобщения при ее формулировке, может быть включена в аппарат научного знания фундаментального уровня при условии обязательного указания на взятый за основу тип правопонимания и соответствующее семантическое значение составных частей термина, влияющее на интерпретацию данного сложного слова с учетом конкретной предметной области исследований. Например, рассмотрение правосознания в значении законосознания (нормативизм) как чувства справедливости (юснатурализм), легитимирующего правовые новации, государственного правосознания как фактора суверенитета, экологического правосознания как предпосылки реализации права на благоприятную окружающую среду и т. д. При исследовании, направленном на правовое сознание, сбор эмпирических данных является явно недостаточным – нужен анализ собранного мате-

риала, сведенного в систему и демонстрирующего пространственно-временные особенности трансформации правосознания. Здесь динамичность правосознания обусловлена изменениями, происходящими с теми социальными и юридическими институтами, на которые оно направлено интенционально. Описанный контекст необходим: без его изучения невозможна научно-содержательная характеристика правосознания. В частности, с изменением закона имеет место динамика правосознания, с пересмотром моральных принципов меняются и иррациональная оценка справедливости правовых новаций, и состояние окружающей среды. Последнее влечет трансформацию в осознании ценности экологических прав.

Понятие «правовое сознание» характеризуется низкой степенью обобщения. Это индивидуальный физиологический, когнитивный и эмоциональный процессы восприятия и психического отражения правовой действительности, средство внутренней регуляции поведения и обязательное условие внешнего правового регулирования поведения (де-

еспособности, деликтоспособности). Его понятие формируется при помощи прикладных исследований, проводимых на междисциплинарном уровне, при этом методы психологии адаптируются под специфические особенности предмета и учитываются современные данные из отраслевых наук, конфликтологии, социологии, психиатрии. Например, посредством данной степени обобщения методологически продуктивно изучать правосознание преступника, совершающего повторное правонарушение, правосознание участника общественного обсуждения проекта нормативного правового акта. В таком случае динамика правосознания сводится к его темпоральности, во многом обеспечиваемой формализацией различных процедур: исполнения наказания, регистрации сделки, подготовки и принятия нормативного правового акта, образовательного процесса. Контекст содержания термина «правовое сознание» обусловлен степенью формализации его выражения, методом правового регулирования, соответствующими эмоциями и знаниями.

Библиографические ссылки

1. Ильин ИА. *О сущности правосознания*. Москва: Рарогъ; 1993. 235 с.
2. Пермьяков ЮЕ. *Философские основания юриспруденции*. Самара: Самарская гуманитарная академия; 2006. 248 с.
3. Комлев НГ. Границы точности термина в разных науках. В: *Проблемы взаимосвязи общественных и гуманитарных наук*. Москва: Издательство Московского университета; 1987. с. 103–117.
4. Фуллер ЛЛ. *Мораль права*. Данилова Т, переводчик. Москва: ИРИСЭН; 2007. 308 с.
5. Касаткин СН. Словоупотребление и правовая теория. Язык юридической догматики. *Вопросы экономики и права*. 2009;4:44–49.
6. Касаткин СН. Юспозитивистская интерпретация правосознания в современной российской юриспруденции. *Актуальные проблемы правоведения*. 2005;3:32–36.
7. Байниязов РС. Философия правосознания: постановка проблемы. *Правоведение*. 2001;5:12–23.
8. Жуков ВН. Правосознание: философский анализ. *Государство и право*. 2019;11:18–32. DOI: 10.31857/S013207690007467-5.
9. Алексеев СС. *Теория права*. 2-е издание. Москва: БЕК; 1995. 320 с.
10. Матарас ВН. Предмет и объект теории государства. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки*. 2017;5:119–122.
11. Скловский КИ. *Собственность в гражданском праве*. 5-е издание. Москва: Юрайт; 2020. 1016 с.
12. Харт ГЛА. *Философия и язык права*. Москва: Канон+; 2017. 384 с.
13. Sarat A. The law is all over: power, resistance and the legal consciousness of the welfare poor. *Yale Journal of Law the Humanities*. 1990;2:343–379.
14. Cowan D. Legal consciousness: some observations [Internet]. *The Modern Law Review Limited*. 2004 [cited 2019 October 10];67(6). Available from: <https://lawforlife.org.uk/wp-content/uploads/2013/05/legal-consciousness-some-observations-97.pdf>.
15. Smith A. The bunk house rules: a materialist approach to legal consciousness in the context of migrant workers' housing in Ontario [Internet]. *Osgoode Hall Law Journal*. 2015 [cited 2019 October 10];52(3):864–904. Available from: <https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=2958&context=ohlj>.
16. Тарасов НН. *Методологические проблемы юридической науки*. Екатеринбург: Издательство гуманитарного университета; 2001. 264 с.
17. Петражицкий ЛИ. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности*. Санкт-Петербург: Лань; 2000. 608 с.
18. Покровский ИА. *Основные проблемы гражданского права*. Москва: Статут; 1998. 353 с.
19. Вершок ИЛ. Теоретико-правовые вопросы соотношения правового сознания и правового знания. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки*. 2019;6:110–115.
20. Маклаков АГ. *Общая психология*. Санкт-Петербург: Питер; 2003. 584 с.

References

1. Il'in IA. *O sushchnosti pravosoznaniya* [About the essence of legal consciousness]. Moscow: Rarog; 1993. 235 p. Russian.
2. Permjakov JuE. *Filosofskie osnovaniya yurisprudentsii* [Philosophical foundations of jurisprudence]. Samara: Samara Humanitarian Academy; 2006. 248 p. Russian.

3. Komlev NG. [The boundaries of the accuracy of the term in different sciences]. In: *Problemy vzaimosvyazi obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk* [Problems of the relationship of social and human sciences]. Moscow: Moscow University Press; 1987. p. 103–117. Russian.
4. Fuller LL. *The morality of law*. London: Yale University Press; 1964. 202 p.
Russian edition: Fuller LL. *Moral' prava*. Danilova T, translator. Moscow: IRISEN; 2007. 308 p.
5. Kasatkin SN. Language use and legal theory. Language of legal dogmatics. *Voprosy ekonomiki i prava*. 2009;4:44–49. Russian.
6. Kasatkin SN. [Yuspositivistic interpretation of legal consciousness in modern Russian jurisprudence]. *Aktual'nye problemy pravovedeniya*. 2005;3:32–36. Russian.
7. Bajnijazov RS. [Philosophy of legal consciousness: statement of the problem]. *Pravovedenie*. 2001;5:12–23. Russian.
8. Zhukov VN. Legal consciousness: philosophical analysis. *Gosudarstvo i pravo*. 2019;11:18–32. Russian. DOI: 10.31857/S013207690007467-5.
9. Alekseev SS. *Teoriya prava* [Theory of law]. 2nd edition. Moscow: Publishing House BEK; 1995. 320 p. Russian.
10. Mataras VN. The subject and object in the theory of the state. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2017;5:119–122. Russian.
11. Sklovskij KI. *Sobstvennost' v grazhdanskom prave* [Property in civil law]. 5th edition. Moscow: Yurait; 2020. 1016 p. Russian.
12. Hart GLA. *Filosofiya i yazyk prava* [Philosophy and language of law]. Moscow: Kanon+; 2017. Russian.
13. Sarat A. The law is all over: power, resistance and the legal consciousness of the welfare poor. *Yale Journal of Law the Humanities*. 1990;2:343–379.
14. Cowan D. Legal consciousness: some observations [Internet]. *The Modern Law Review Limited*. 2004 [cited 2019 October 10];67(6). Available from: <https://lawforlife.org.uk/wp-content/uploads/2013/05/legal-consciousness-some-observations-97.pdf>.
15. Smith A. The bunk house rules: a materialist approach to legal consciousness in the context of migrant workers' housing in Ontario [Internet]. *Osgoode Hall Law Journal*. 2015 [cited 2019 October 10];52(3):864–904. Available from: <https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=2958&context=ohlj>.
16. Tarasov NN. *Metodologicheskie problemy yuridicheskoi nauki* [Methodological problems of legal science]. Ekaterinburg: Publishing House of the University of Humanities; 2001. 264 p. Russian.
17. Petrazhickij LI. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti* [The theory of law and the state in connection with the theory of morality]. Saint Petersburg: Lan'; 2000. 608 p. Russian.
18. Pokrovskij IA. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The main problems of civil law]. Moscow: Statut; 1998. 353 p. Russian.
19. Viarshok IL. Theoretical and legal issues of correlation legal consciousness and legal knowledge. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2019;6:110–115. Russian.
20. Maklakov AG. *Obshchaya psikhologiya* [General psychology]. Saint Petersburg: Piter; 2003. 584 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 16.06.2020.
Received by editorial board 16.06.2020.